

Наша личная битва

Автор этих заметок, Василий Гаврилук, известен в республике как ученый-экономист, доктор экономических наук. Помимо этого он долгие годы работал в крупнейших республиканских СМИ, много сил отдал дипломатической службе. Но сегодня ветеран предлагает вниманию читателей не фрагменты из своих книг или научных трудов, а нечто гораздо более личное: воспоминания о пережитом в годы войны, в которые вплетены дневниковые записи, сделанные ранее.

УЧИЛИЩЕ

19 июня состоялся школьный выпускной вечер. 22 июня началась война. 24 июля я был призван и зачислен курсантом Московского военно-инженерного училища. Первое, что увидел в военном городке, – это колонна курсантов-выпускников, идущая с песней по широкой зеленой аллее:

«Школа красных командиров
Комсостав родной стране кует –
Смело в бой идти готовы
За трудящийся народ!»

Не преувеличу, если скажу, что простые слова этой песни, как никакие другие, выражали уклад и атмосферу жизни училища. Строгий распорядок, неукоснительная дисциплина, физическая нагрузка. И все – во имя одной цели: приучить вчерашних школьников к армейской службе, дать им необходимые знания и навыки.

Мои товарищи по взводу были такие же, как я. Встает в памяти Миша Боришанский – он был из Минска, белорус. Шутники острили: «парадак, праник, трапка». Старший по возрасту, исполнительный, он был назначен помкомвзвода. Памятен «взводный поэт» Никитин. Невысокий, плотный, рыхловатый. На полевых учениях он сильно потел, гимнастерка покрывалась белесыми разводами. В первом и единственном номере нашей стенгазеты он напечатал стихотворение с такими словами:

«Спотыкайся, падай, но иди!
Место командира всюду впереди».

Мысли эти были созвучны нашему настроению, и они запомнились на всю жизнь.

Ближе всех я сошелся с Юрой Васильевым. Из всех «гражданских» он был самым «гражданским»: интеллигентный, самоуглубленный, физически незакаленный. Быт казармы угнетал его.

Воскрешая своих товарищей в памяти, я все более думаю, что наше поколение, мои сверстники были действительно верными сыновьями своей Родины. Судьба страны воспринималась как своя собственная. Воевать или не воевать – так вопрос не стоял. Готовность к защите Отечества была воспитана школой, всем строем жизни, советской культурой. Особо отметил бы роль песни, в первую очередь народной и патриотической. Через нее укоренялась связь с народом и его историей, песня рождала гордость за страну, уверенность в победе.

Пели, конечно, и мы на марше. Коль скоро не нашлось более голосистого, запевалой стал я. Пели про танкистов «Броня крепка», «Три танкиста», про моряков – «Краснофлотец, смелый малый». Любили «Катюшу». И, конечно, выделяли свою, «профильную»: «Там, где пехота не пройдет, пройдут отважные саперы».

И все же, надо сказать, в то лето 1941-го училище жило еще довоенными традициями. Упор делался на строевую подготовку, упражнения по штыковому бою, политзанятия. Осваивалась исключительно своя «матчасть», немецкой подрывной техники не было. Так продолжалось до осени...

ГРОЗНЫЙ ОКТЯБРЬ 41-ГО

«16 октября 1941 года курсанты были на тактических занятиях. С утра шла обычная военная игра. Однако после полудня поступил приказ: немедленно вернуться в казармы.

Нас построили и форсированным маршем бросили в Болишево. Бежали почти всю дорогу, километров семь-десять, с полной выкладкой, с шанцевым (саперным) инструментом. До сих пор ощущаю, как это было тяжело!

В училище, не дав передохнуть, развернули в круговую оборону...

Сейчас, когда война стала достоянием истории, грозный октябрь 1941 года – про-

65 1945
65 2010

ФРОНТ

сто дата в ряду других. Иначе было тогда: ощущение опасности, смутные разговоры о немецком прорыве, о панике в Москве... Сон – одетыми, с винтовкой в обнимку, ожидание чего-то худшего.

Особенно памятливы ночные дежурства в карауле. Нервный гул самолетов в небе, пляска прожекторов, пальба зениток и угрожающее шипение осколков, ломающих сучья и шлепающихся о землю где-то рядом, еще горячими...

Так прожили до начала двадцатых чисел октября, когда началась эвакуация училища. До Горького – пешком, дальше, до Набережных Челнов Татарской АССР, – в трюме грузового парохода, потом опять пешком – до города Мензелинска.

В декабре радио принесло долгожданную весть: немцы под Москвой разбиты, опасность для столицы миновала».

Мензелинск училища явно не ждал. Поначалу нас расселили в голых, холодных помещениях какого-то техникума, без удобств, с соломой на полу вместо кроватей. А на дворе стоял ноябрь: мороз, снег. Плохо было и с питанием. На обед водили в старые царские казармы – длинное одноэтажное строение без внутренних перегородок, темное и промерзшее, где-то на окраине.

Не забыть томительного ожидания раздачи еды (уполовник щей, две жалкие ложки горохового пюре). Муки голода, пар от дыхания, топот ног. И вдруг, когда казалось, уже нет сил терпеть, словно солнце в ночи, возникла песня...

Постепенно быт налаживался. Однако свирепые холода, скудость питания делали привычное обучение тягостным и изнурительным. Не хотелось выбегать по утрам во двор на зарядку, казались бесконечными занятия в поле, трудно давались разного рода наряды, в том числе по скалыванию намерзших «сталагмитов» в дощатых уборах...

Наше пребывание в Мензелинске оборвалось так же внезапно, как и началось. В конце марта – начале апреля 1942 года училище вернулось в Болшево (пешком до станции Ужга, затем в теплушках по железной дороге). В оставшееся до выпуска время нас наспех ознакомили с немецкими противотанковыми и противопехотными минами, дали кое-какие знания по мостостроению, по подземным фортификациям. Чувствовалось, что мы давно уже нужны не здесь, а совсем в другом месте.

Случайное стечение обстоятельств, просто случайность часто определяют судьбу человека. На войне же – особенно.

Выпустили нас в середине мая 1942 года. По-комсоставски обмундировали, дали хромовые сапоги, два кубика и скрещенные топоры в петлицы – лейтенанты-саперы.

Одну часть выпуска отправили на фронт сразу же. Другую – в ней оказался и я – оставили на Центральных курсах минных заграждений и особой техники. Обучали системам дистанционного управления взрывом: радиосигналы, электрические сети и т.п. В итоге я задержался в Болшево еще на месяц.

Разрыв в отправке на фронт между той и другой партией выпускников – всего месяц. Но какая разная судьба у тех, кто ушел туда в мае, и тех, кто последовал во второй половине июня! Первые попали в штормовую волну нашего наступления под Харьковом с его конечной неудачей. Вторые – сразу же были втянуты в водоворот последовавшего затем отступления, продолжавшегося вплоть до Сталинграда.

Фронтовые
дороги.
1942 год

...Поездом добрались только до Валук, у границы с Украиной. Дальше, сказали, дорогу разбомбили. Мы высадились, и... началось наше недельное (а может быть, и дольше) слепое движение на восток.

Как мне представляется, нет ничего более удручающего и страшного, чем дороги отступления. Измученные солдаты, идущие строем и поодиночке, с оружием и без. Перегруженные машины, военная техника. Беженцы с их телегами и коровами.

На обочинах разбитые автомобили, павшие лошади. И страшная пыль, духота, тошнотворный трупный запах. А в небе – немецкие самолеты, запоздалые крики «Воздух», визг и грохот падающих бомб.

Бессмысленно пытаться воспроизвести пережитое. Нам, лейтенантам, никто не раскрывал нашего маршрута (боюсь, не знали его даже начальники). Двигались пешком, на попутных машинах, тракторах, поездах. Особо помню оставленный жителями и словно вымерший Богучар. Там почему-то особенно бомбили.

Остановились и стали приводить себя в порядок только под Сталинградом, на станции Михайловка. Ожидали прибытия личного состава бригады (16-я инженерная), в рядах которой предстояло воевать. Далее бросок до Дубовки, к Волге, переправа на левый берег, лагерь в лесу, формирование, принятие взвода и в августе – на передовую.

Боевое крещение приняли в балке Котлубань. Если кто не знает, балка – это громадный овраг, широкий, с высокими, круглыми откосами, уходящий неизвестно куда. Там сосредоточивались войска, проходили коммуникации. Поэтому над балкой постоянно висели «юнкерсы» и сыпали, сыпали бомбы. Самое неприятное – не знаешь, куда угодит «дура». Видишь, как она вываливается, противно воеет; мелькает мысль: «Моя!» – и кидаешься в окопчик, ждешь. Но разрывы в стороне или рядом. Поднимаешься и опять следишь за бомбардировщиками, которые выстроились в круг («карусель») и, подлетая к цели, по очереди вновь и вновь сбрасывают свой груз.

Наша саперная война велась преимущественно ночью. В основном – установка противотанковых минных заграждений, прикрывавших подступы к линии обороны. (Это был период, когда немец рвался вперед, а мы оборонялись.)

Работы по минированию проводились в так называемой «мертвой зоне» – полосе земли, разделявшей наши и немецкие позиции. Только потом я осознал: выход за передний край, пребывание на пространстве, простреливаемом как врагом, так и своими, таили в себе множество опасно-

Саперы
минируют дорогу.
Август 1942 года

стей. Был риск наткнуться в темноте на неприятельский дозор, разведку или диверсионную группу – подобная встреча была тем более нежелательной, что мы не имели никакого охранения. Неосторожными действиями можно было выдать свое присутствие и навлечь на себя огонь противника; либо отойти слишком далеко от своих или, наоборот, остановиться слишком близко.

Все эти и другие опасности заставляли быть начеку, действовать осмотрительно. Но при всем при том главным всегда оставалось дело: это была наша битва, наше личное сражение с врагом.

Надо было также накапливать новые навыки. Ведь до тех пор мои познания – вчерашнего курсанта – носили скорее учебнический характер. Была также возрастающая ответственность за жизнь людей взвода, за их боеспособность. Но поступающие приказы жестко требовали выполнения. И, несмотря ни на что, мы их выполняли.

Особенно запомнились те выходы за передний край, когда что-то случалось.

Проведение первого минирования у меня прочно ассоциируется с сапером по фамилии Шемшур. Это был пожилой добросовестный труженик. За отсутствием ориентиров, к которым можно было бы привязать минное поле, я приказал ему – пока другие разносят и устанавливают мины – выкопать яму метр на метр с основанием в виде конуса. Он сразу же принялся за дело. Но мы не учли, что сталинградская земля прочнее бетона, и к моменту, когда надо было уже уходить, яма не была готова. Задержка грозила потерями, и я сказал: «Кончайте! Уходим!» Боец заупряился: «Командир, но вы же приказали: метр на метр и с конусом!» Возникло препирательство. И закончилось оно лишь тогда, когда солдаты буквально силой вытащили Шемшура на поверхность (вот люди были!).

Еще один случай связан с моим собственным недосмотром. Мы перекрыли минами балку Волчья, отходившую от Котлубани в сторону противника. Но из-за обстрелов я не смог составить точную схему минного поля. Промаш надо было исправлять. И назавтра утром с солдатом Доценко осторожно вернулся в Волчью. Оставив бойца неподалеку, сам добрался до места и, ползая между рядами мин, стал «рисовать».

ЭПИЗОД В НОЧИ

Расплата настигла со всей неотвратимостью. Меня заметили, а может, это была просто случайность, но обрушился минометный налет. Я кубарем скатился по склону и плюхнулся в первую подвернувшуюся воронку. Тогда, как говорится, обошлось.

И, конечно, памятен случай, связанный с первой потерей во взводе. В одну из ночей грохнул взрыв – подорвался минер. Почему это произошло? Ошибка, дефект, шальная пуля? Ответа не найти, а от человека остался только разорванный ремень.

Событие, конечно, шоком отозвалось на настроении бойцов.

Теперь самое время сказать о наших минах. Тогда в ходу были ящичные деревянные мины с зарядом тола в пять килограммов – ЯМ-5. При наезде танка крышка продавливалась и выдергивала чеку из ударника взрывателя, происходил взрыв. Чтобы избежать нецелевого срабатывания, мина была рассчитана на давление не менее ста килограммов.

Для полноты «саперских историй» расскажу еще о нескольких случаях. Одни из них смешные и забавные, другие – совсем не смешные и не забавные.

Как-то ночью, спасаясь от огня противника, я, не глядя, бросился в снег и почувствовал: ударился обо что-то острое. Разгреб, чтобы посмотреть, и отскочил еще стремительнее, чем падал. Подо мной была только что поставленная бойцами мина.

Не правда ли, смешно? Ведь для «эфекта» требовалось более ста килограммов!

В другой раз мы стали игрушкой немецкого пулеметчика-шутника. Это был, видимо, мастер своего дела. Он четко выбивал барабанную дробь, и холодные трасы пучками метались вокруг нас. Было в этом что-то противоестественное и жуткое. К счастью, никто не пострадал, но мы едва не заблудились. Сориентировались только по залпу «катюш» – откуда били и где рвались снаряды.

Было и другое, многое другое...

«**П**риказ поступил самый обычный: заминировать участок перед нашими позициями.

Когда подходили к переднему краю, перестрелка уже затихла. Было морозно. От снега и луны ночь казалась светлой, и все вокруг хорошо просматривалось.

Как всегда после дневного наступления, было особенно неспокойно. Черными буграми застыли тела убитых. Какие-то люди что-то делали в отдалении. Снег был вытопан и местами словно проутюжен.

Мои солдаты вдруг остановились: прямо по пути угадывались какие-то кучи. Я пригляделся: в одной из них было оружие, винтовки и автоматы, в другой – валенки и шинели.

Теперь-то я уж точно знал, что за люди были в створе от нас, – похоронная команда. Они занимались уборкой трупов. Тела убитых стаскивались и, как мне показалось, сбрасывались в воронки и ямы.

Я смотрел на все это, и привычная война открывалась для меня своей непривычной, тайной стороной. Не было уже ни героики сражения, ни героики смерти. Был просто конвейер, обслуживающий войну. Тем, кто погиб, ничто уже не было нужно, но и оружие, и обмундирование потребуются тем, кто завтра снова пойдет в бой.

Все так, все правильно...

«Вот так и меня», – мелькнула непрощенная мысль.

Усилим воли я прогнал нелепое видение и скомандовал: «Не задерживаться! Быстрее!»

Бойцы 50-го полка 15-й гвардейской стрелковой дивизии на огневой позиции под Сталинградом. Декабрь 1942 года

Сейчас, когда я пытаюсь привести в порядок казавшиеся мне беспорядочными переброски взвода с места на место, я вижу больше и дальше, чем тогда. Мы были самым малым звеном чего-то огромного, что звалось Сталинградским, а позже Донским фронтом. И, как клеточка большого организма, мы были во власти целого, подчинялись и служили ему.

Однако возможен и иной взгляд. Как ни велик был этот организм и как ни малы были мы, фронт нуждался в нас, призывал и посылал туда, где мы были необходимы.

Наш котлубанский период совпал по времени с мощным продвижением врага к Волге. Надо было останавливать танки. Позже, когда началось окружение противника и, особенно, когда возникла угроза немецкого прорыва на помощь Паулюсу, нас перебросили на укрепление внешних оборонительных рубежей Сталинграда (район Садки, Широкое, Заварькино). И, как завершающий этап, наше участие в боях по ликвидации окруженной группировки (хутор Вертячий, Песковатка, деревня Дмитровка). До Сталинграда дойти мне не привелось.

ГОСПИТАЛЬ

«Э то случилось 19 декабря 1942 года под деревней Дмитровка. Может быть, виновата была полная луна и снежная открытость степи. А может быть, я по-мальчишески рисковал, отправляясь за передний край, в «мертвую зону», без маскхалата.

...Предстояло установить управляемое минное заграждение (мощные заряды, связанные электросетью, и прибор управления «спрут», передающий команды на подрыв).

Для выполнения задания я взял с собой восемь бойцов – по числу тяжелых артиллерийских снарядов, служивших зарядами. Белые маскхалаты – их выдали тоже восемь – я раздал солдатам. Почему-то думал, сам смогу обойтись без халата – снаряды разнесут и установят в соответствующем порядке солдаты, а я буду лишь командовать.

Однако реальность опрокинула расчеты.

Продвигаться к немецким позициям пришлось под обстрелом. Налетали мины, вспыхивал ружейный и пулеметный огонь. И каждый раз бойцы залегали. Чтобы их поднять, я должен был отползти чуть дальше и словами, а больше жестами звать вперед.

И вот в одно из таких мгновений, когда я привстал и обернулся назад, я особенно явственно услышал выстрелы: впечатление было такое, словно стреляют буквально над ухом. После секундного замешательства – не по мне ли бьют? – я стал еще энергичнее торопить солдат.

В этот-то миг все и произошло.

Боли я не почувствовал, была лишь мимолетная догадка: «Ранен? Убит?» – и потеря сознания.

Очнулся я в окружении солдат: они же перевязали и помогли мне покинуть поле боя – благо лошадь, на которой привезли снаряды, еще была на месте.

Как бы то ни было, но в ту же ночь я оказался в медсанбате. Потом пару дней пробыл в перевалочном госпитале в Мокрой Ольховке, а затем на четыре месяца остался в «челюстном» эвакогоспитале Челябинска».

Не забыть первых, особенно сильных впечатлений от госпиталя.

Первое – приятное: меня положили в белоснежную постель, в просторной палате тепло, горит электрический свет, окна не зашторены. После ледяной ямы под открытым небом, после вшей и двухразовой кормежки (до рассвета и когда стемнеет) все напоминало сон.

Второе – безотрадное: здесь было продолжение войны, точнее, другая ипостась той же войны, с тем же вопросом: победа или поражение. Только смертельная схватка перенесена с поля столкновения армий на поле жизни каждого отдельного человека.

Душевное смятение усугублялось тем, что госпиталь был специализирован-

Читка газет
в госпитале № 414.
1943 год

ный – на излечении находились те, у кого было ранение головы. По одну сторону от меня лежал раненый, у которого при броске разорвалась противотанковая граната. У него была оторвана правая рука и искалечена половина лица. По другую – пожилой солдат практически без нижней части лица: ее снесло разрывной пулей.

Впечатлял и вид раненых, носивших гипсовый биндаж – так называемый «самолет». Сооружение предназначалось для фиксации руки при пересадке тканей, скажем, с живота на область носа. Рука служила промежуточным «аэродромом»: ткань с живота сначала приживлялась к руке, затем оттуда пришивалась к лицу и уже потом шло формирование носа. Операция многоступенчатая, мучительная, занимала месяцы и даже годы.

Госпитальное окружение, общие разговоры воскрешали, казалось, позабытое, случайно увиденное на поле боя... Солдат с вывернутыми на землю внутренностями, смертная тоска в глазах и мольба к проходящим: «Пристрели меня!» Обугленный водитель в разбитом танке, на броне которого еще читалась надпись: «Смерть фашистам!» Розовый от разможенных гусеницами трупов снег...

И покоя не давала мысль: сумели ли мои солдаты завершить установку зарядов?

«Выздоровливающие командиры посылались поочередно на ночное дежурство на кухню. Попал однажды туда и я. Как прошло это дежурство – неважно. Важно то, что случилось наутро, когда пришел дежурный врач, которому я должен был дать отчет.

Разговор с женщиной-врачом вышел совсем неожиданный. Первое, что она спросила и что меня, конечно, удивило, – как меня зовут.

– Василий!

– Ну, значит, это вам!

И она вручила небольшой сверток, сказав, что по пути в госпиталь ее остановила какая-то девушка, ко-

торая просила передать «это» первому встречному Василию. Подарок был по-военному традиционный: табачный кисет, махорка, носовой платок с вышитыми инициалами, писчая бумага, карандаш и письмо с пожеланиями скорого выздоровления и боевых подвигов. Письмо было подписано Олей. Были и фамилия, и адрес: жаль, что время не сберегло их.

Излишне говорить, я был взволнован.

Первое, что я сделал, это написал ответное письмо. Оно было возвышенным, я говорил что-то о судьбе, рассказал о себе и – о, легкомыслие юности (мне было тогда 19 лет!) – предложил свидание, указав место и время. Кисет и махорку отдал курящему соседу-«папаше». В назначенный час, или, вернее, задолго до него, пришел на оговоренное место, недалеко от госпиталя. Ждал долгий час, а может быть, и два. Но никто, решительно никто не пришел. Не получил и письменного ответа по почте. Сначала я решил, что статью не вышел. Потом подумал: писала школьница. И только спустя много лет стал думать иначе.

Нет, не все просто в жизни, особенно в годы войны. Ведь просили вручить Василию!

Кто же был тот, другой Василий, мой тезка, человек, видимо, близкий, дорогой для Оли?

Может быть, пропавший без вести жених?

Может быть, ушедший на войну брат?

Может быть, фронтовик-отец?

Адресуя подарки случайному Василию, Оля направляла их как бы «своему» Василию (а вдруг свершится чудо и он получит!). И поэтому с ее стороны это не были ни игра с судьбой, ни тем более поиск знакомства. Это был акт высокой верности, святого порыва души, измученной тревогой и надеждой.

Прошли многие годы. Но я по-прежнему храню благодарную память об Оле».

5 мая 1943 года состоялась выписка из госпиталя. В справке о ранении значилось: «Сквозное пулевое ранение головы с переломом восходящей ветви нижней челюсти слева. Паралич лицевого нерва слева после травмы».

По распределению был направлен в запасную стрелковую бригаду в Дзержинск Горьковской области. Но служить там не пришлось. Как ограниченно годного в начале июля меня уволили.

Воспоминания «запасного» периода, хотя они и связаны с войной, обращены к жизни гражданской.

МЕРА ЧЕЛОВЕКА

«**В** один из летних дней я оказался в центре Дзержинска. Стояла душная жара, всюду – песок, под ногами пыль, залежавшийся мусор, окурки.

На пустынной площади – непривычная толпа. Люди сбились в круг и на что-то смотрели. Я тоже подошел.

На мостовой, у самой бровки тротуара, на коленях стояли люди в стеганых халатах, с грязными тюрбанами на головах.

Раньше я уже встречал таких людей. Их необычные фигуры останавливали внимание, иссушенные бородастые лица тревожили воображение. Говорили, что они из Средней Азии и мобилизованы на строительные работы.

Люди в тюрбанах не молились, как я сначала подумал. Они припали к земле не для спасения души...

Люди были заняты тем, что слизывали с земли пролитое кем-то молоко. Безучастные к назойливой толпе, забыв о боге и обо всем на свете, они ловили губами драгоценные капли, сдувая соринки и пыль.

Война приучила ко многому. Но такое!

Я был тогда молод, очень молод. Несмотря на фронт, жизнь еще не вытеснила из сердца литературных красотей: «Человек выше сытости!», «Нельзя унижать человека жалостью!», «Человек – это звучит гордо!». «Крылатые слова» служили подчас ответом на любые вопросы, казались более убедительными, чем сама реальность... И вдруг такой ледяной, отрезвляющий душ!

Подошел милиционер и заставил людей в тюрбанах подняться. Они нехотя оторвались от остатков молока, невозмутимо распрямились. В их серых бородах еще оставались серые капли.

Ни на кого не глядя, люди двинулись прочь – спокойные, с высоко поднятыми головами. Их темные лица выражали покорное, всепокоряющее терпение».

Рассказав об эпизоде с голодающими, я задумался: а нужно ли писать об этом? Нужно ли к бесконечному перечню бед и лишений, принесенных врагом и войной, добавлять еще что-то, может быть, «нетипичное», «случайное»? И сам себе ответил: нужно! Обязательно нужно, потому что, не зная всего пережитого нашими людьми – не абстрактными людьми с их абстрактными болями, а людьми живыми, конкретными: воевавшими и невоевавшими, мужчинами и женщинами, взрослыми и детьми – невозможно в полной мере раскрыть величие подвига народа. Как невозможно и измерить цену, заплаченную за завоеванный мир.

Памятные слова «Все для фронта, все для победы!» были не просто лозунгом. Это были одновременно суровый приказ, нерушимая клятва и священный порыв. С нашей стороны война была воистину народной. Она велась за само право на жизнь – против угрозы физического уничтожения, за Отчизну, политую потом и кровью поколений, за достойное место в грядущем миропорядке. И победить в такой войне было невозможно без напряжения

всех сил, без всенародной жертвенности. Люди не щадили себя в труде на оборону, голодали, отдавали все на алтарь освобождения от захватчиков.

И наши добровольные и невольные жертвы не пропали даром – мы победили!

ПИР ПОБИТЕЛЕЙ

В есть о победе застала меня в осиротевшем родительском доме, в Загорске. Ночью вдруг заговорило радио: Германия безоговорочно капитулировала, война победоносно завершена, долгожданный мир вернулся на нашу землю.

Не в силах совладать с радостью, я выскочил на улицу. Надо было с кем-то поделиться новостью, излить переполнявшие меня чувства, что-то сделать. Я обежал друзей, вернувшихся, как и я, с войны ранеными, но живыми. Кто-то уже не спал, кто-то поспешно вскакивал с постели. Обнимались, взволнованно кричали, смеялись. Договорились встретиться у меня утром, чтобы решить, как отметить событие.

Где-то около десяти утра нас было уже трое. Расположились в саду с еще голыми яблонями. Чтобы скрасить ожидание, я принес малокалиберную винтовку, и мы лениво дырявили ржавую жестянку. (До поступления в вуз я работал военруком в школе, и винтовка все еще хранилась у меня дома.) Между выстрелами отстраненно обсуждали: что будем пить, что будем есть.

Относительно первого пункта вопросов не возникло – в городе продавалась некая «лимонная» водка. Хуже обстояло со вторым пунктом. В наших «закромах» не было не только подходящих моменту колбасеностей-соленостей, но даже самых простых, бесхитростных закусок. И тут-то на забор, отделявший наш сад от сада соседа, тоже фронтовика Вовы Демина, сел его петух. Это был замечательный петух: крупный, с гребнем в виде короны, с длинным парадным хвостом. Особенно же петух выделялся своим зычным голосом. Его любимым развлечением было взлетать на бельевую веревку на веранде дома и, раскачиваясь и махая крыльями, орать во всю петушину мощь свою песню.

Мы примолкли. Мгновение смотрели на петуха, потом – друг на друга, и в глаза

Москва,
9 мая 1945 года

каждого появилась одна и та же мысль, которая казалась бесспорной и устраивала всех: «Вот оно, решение».

– Только бы не улетел, – с сомнением сказал кто-то.

– Не успеет, – ответили ему.

Первым выстрелил Федя Смирнов, у которого в руках была винтовка, но не попал. Потом, почти не целясь, выстрелил Женя Мельников (спустя годы он станет послом в одной из стран Африки). Петух, как говорится, «даже не кукарекнул»: его подобрали и спрятали в мешок.

– Скажем Вовке? – неуверенно спросил кто-то.

– Зачем зря беспокоить? – лицемерно возмутились остальные. – Вовка вряд ли был бы против... Он сам бы, наверное, предложил.

– А как, позовем его?

– Что за вопрос? Вовка главный за столом, ведь петух-то – его. Можно сказать, угощает.

...Застолье получилось праздничное, шумное. Дружно говорили, дружно пели. О происхождении курятины, конечно, никто не заикнулся... Спустя много лет, на одной из встреч друзей детства я поведал Демину всю правду: и об «охоте» на его собственность, и о курятине, которую он ел в памятный день 9 мая 1945 года.

– За столом я ни о чем не догадывался, – признался он. – Но вечером, когда петуха не нашли, я все понял.

– А почему молчал?

– Почему, почему? Это же был такой великий день!

Василий ГАВРИЛЮК,
ветеран, инвалид Великой
Отечественной войны, г. Минск